

Гариф Сергеевич РОМАШКИН —
аспирант кафедры экономической социологии
Международного института финансов,
управления и бизнеса
Тюменского государственного университета
GRomashkin@yandex.ru

УДК 331.5(571.14)

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА ЛИЧНОСТНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ*

FACTOR STRUCTURE OF PERSONAL AND INSTITUTIONAL TRUST

АННОТАЦИЯ. В статье представлены теоретико-методологические и эмпирические особенности исследования доверия в современной социологии. Проведен анализ факторной структуры феномена доверия на основе вторичного анализа данных различных социологических исследований. Сделана попытка построения математических моделей доверия объяснительного характера.

SUMMARY. The article presents theoretical, methodological and empirical studies of trust in modern sociology. The author describes the factor structure analysis of the phenomenon of trust based on secondary data analysis of various sociological studies. The attempt to construct mathematical models of trust explanatory nature has been carried out.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Личностное и институциональное доверие, социолого-математические модели, социоструктурные и социально-психологические факторы.

KEY WORDS. Personal and institutional trust, socio-mathematical models, socio-structural and socio-psychological factors.

Доверие — сложный социальный феномен, который трактуется разными способами во многих науках. В экономической социологии такие авторы, как Т.И. Заславская, В.В. Радаев, С.Г. Кирдина, М.А. Шабанова, Р.И. Капелюшников, П.М. Козырева и другие отмечают низкий уровень *институционального доверия*, в связи с чем происходит несоответствие формальных норм индивидуальным ожиданиям. В данной работе используются результаты эмпирического исследования по теме «TRUST» [1]. Также привлекались результаты двух волн эмпирического исследования по программе «Социокультурные портреты регионов России», проводимые в Тюменской области в 2006 г. и 2009 г. при поддержке Тюменской областной Думы и фонда РГНФ [2].

В теории доверия выделяются два научно-исследовательских направления: первое преимущественно обращает внимание на психологические моменты: мотивацию, намерения, установки и приводит к психологической модели доверия; второе — выделяет социокультурные компоненты: правила, ценности, нормы, символы, ведя к культуралистской социологии доверия.

Шкала оценки межличностного доверия в нашем исследовании: при ответах на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» согласие с суждением «*Большинству людей можно доверять*» выделяет группу «склонные к доверию», а согласие с суждением «*Надо всегда быть предельно осторожным (чрезмерной осторожности не бывает)*» выделяет группу «склонные к осторожности». Для оценки уровня влияния различных факторов на

* Исследование выполнено при поддержке фонда РГНФ, грант № 09-03-00676а.

уровень доверия был проведен анализ при помощи критерия χ^2 , и корреляционный анализ по критерию Спирмена. Основной статистический вывод: склонные к доверию люди, как и следовало ожидать, чаще доверяют и социальным институтам. Но уровень внутренней корреляции параметров доверия, являясь максимально значимым, не слишком высок, его значение колеблется в диапазоне 0,2-0,3. Исключение составляет высокий уровень корреляции между доверием прессе и телевидению (0,55), и федеральным, местным правительством и Думой (0,6). Таким образом, следует помнить о важности культурно-психологической составляющей института доверия, но не абсолютизировать ее влияние на структуру доверия. Этот сложный социальный феномен формируется в социальной среде и является продуктом социального опыта общества.

Можно предполагать, что уровень межличностного доверия определяется социоструктурными характеристиками, но этот факт не находит своего эмпирического подтверждения. Например, влияние возраста респондентов на уровень межличностного доверия не имеет статистически значимого уровня, а кривая зависимости волнообразно колеблется вокруг среднего. В среднем 28% респондентов ответили, что «большинству людей можно доверять» (склонные к доверию), и 67% , что «надо всегда быть предельно осторожным» (склонные к осторожности), остальные респонденты ответили «другое», или «не знаю». Наименее склонны к безоговорочному доверию представители возрастных когорт от 40 до 55 лет, наиболее ощутившие на себе «шоки» 1990-х гг. и последующие за ними годы нестабильности.

Для оценки уровня институционального доверия респондентам предлагался список социальных организаций, играющих важную роль в жизни российского общества. Респонденту необходимо было оценить, насколько он доверяет или не доверяет каждому из них. Средние значения частных индексов институционального доверия приведены на рис. 1.



Рис. 1. Средние значения частных индексов институционального доверия (I_d) (100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)

Отметим, что медианный уровень индекса институционального доверия в российском обществе к 2009 г. составляет 45, то есть доверие к местному правительству и есть медиана институционального доверия. Доверие Думе РФ и милиции ниже среднего, тогда как выше среднего уровень доверия к различным социальным службам, здравоохранению, прессе и телевидению, федеральному правительству, науке и технологиям. Меньше всего граждане России доверяют негосударственным организациям и собственной безопасности.

Динамика уровня доверия в Тюменском регионе имеет позитивный характер. Согласно результатам социокультурного мониторинга — портрета Тюменской области, ниже среднего уровня доверие к профсоюзам, милиции, парламенту, но в период с 2006 по 2009 гг. суммарный индекс доверия к институтам власти вырос на 2% пункта. При этом незначительно снизилось доверие к правительству (на 6%), региональным отделениям политических партий (на 10%), парламенту (на 7%).

Социоструктурные характеристики не определяют уровень институционального доверия (статистическая устойчивость связи низка), но влияют на него. В этом заключается принципиальное отличие структуры институционального доверия от доверия (меж)личностного, когда столь явных социоструктурных различий выявлено не было. Более того, по ряду факторов вектор связи (меж)личностного доверия противоположен по отношению к вектору доверия институционального. В первую очередь это доход респондента и его статус. Особенно наглядно демонстрирует зависимость институционального доверия от социоструктурных характеристик взаимосвязь «уровень жизни — институциональное доверие» (рис. 2). Стоит отметить, что аналогичным образом ведет себя и зависимость: доход домохозяйства — «институциональное доверие».

Остается открытым вопрос: достигают ли большего те, кто лучше других вписан в социальную ткань общества, или все-таки сам факт более высокого социального положения позволяет людям быть более уверенными?

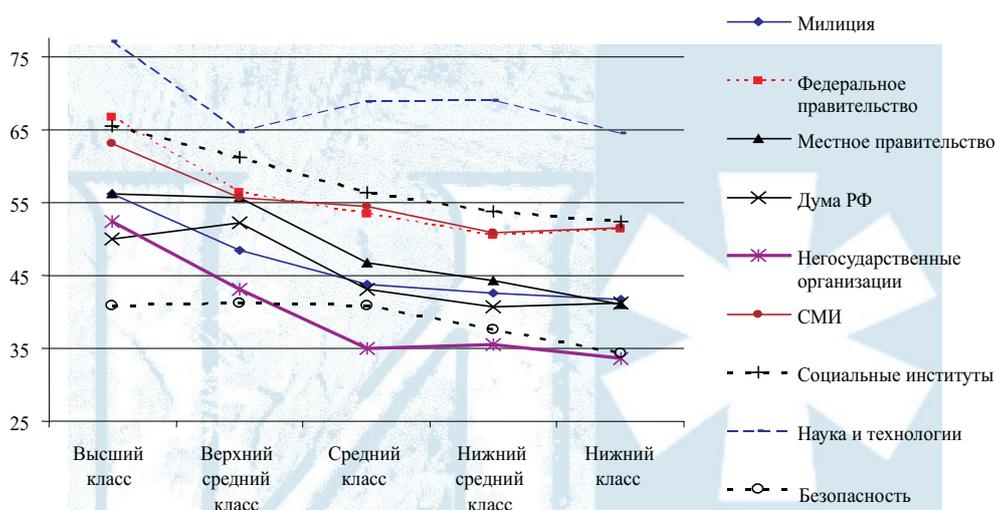


Рис. 2. Частные индексы институционального доверия в зависимости от уровня жизни респондента (100 — все полностью доверяют, 0 — все полностью не доверяют)

Резюмируя, заметим, что доверие имеет коррелированную внутреннюю структуру, т.е. доверчивые (вообще) люди склонны больше доверять и социальным институтам (всем без исключения). Но доминирующий вклад в изменчивость институционального доверия вносят не социально-психологические, а социоструктурные и социокультурные параметры. Вычисляемое «в общем» институциональное доверие не будет носить столь явного следа, но можно выделить «сгущение» индикаторов доверия. Влияние внешних факторов на межличностное и институциональное доверие имеет разнонаправленный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыденко В.А., Латов Ю.В., Ромашкина Г.Ф., Сасаки М. Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям» // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83-101.

2. Выборка репрезентативная по трем субъектам РФ, многоступенчатая, квотированная по половозрастной структуре и типам поселений, с контролем по типу образования: 1560, 1800 и 1150 человек на юге Тюменской области, ХМАО и ЯНАО.

*Оксана Петровна АНИКЕЕВА —
ст. преподаватель кафедры мировой экономики
и международного бизнеса*

*Людмила Михайловна СИМОНОВА —
зав. кафедрой мировой экономики
и международного бизнеса
доктор экономических наук, профессор
lsim@utmn.ru*

*Международный институт финансов,
управления и бизнеса
Тюменского государственного университета*

УДК 330.387

**МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА:
МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА**

**THE MODELS OF BUSINESS SOCIAL RESPONSIBILITY:
WORLD EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICE**

АННОТАЦИЯ. Автором представлены и проанализированы основные модели социальной ответственности бизнеса самых передовых стран мира. Описаны российская теория и практика в этой области. Изучение и использование международного опыта с учетом культурных, национальных особенностей и традиций, а также специфики экономической и социальной среды России дает возможность расширить варианты поиска способов разработки, моделирования и распространения практических систем и методик развития корпоративной этики и социальной ответственности бизнеса.

SUMMARY. The given article presents the analysis of the main models of business social responsibility in the leading countries of the world. Russian theory and practice in this field are described. The study and usage of international experience with regard to cultural, national peculiarities and traditions as well as the specific features of Russian economic and social environment give an opportunity to expand the search options for development methods, modelling and distribution of practical systems and techniques of corporate ethics development and business social responsibility development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Модели, социальная ответственность бизнеса, концепция, мотивация собственников, менеджмент, мировой опыт, российская практика.

KEY WORDS. Models, business social responsibility, conception, owners' motivation, management, world experience, Russian practice.

К концу XX в. многие страны подошли к становлению и развитию открытого цивилизованного общества, в котором рождаются новые формы общения, основанного на партнерстве и здоровой конкуренции, на правовых и социально